

Илья Т.

"Счастливый человек"

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Илья Т
Счастливый человек

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Т И.

Счастливый человек / И. Т — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Непродолжительный перечень рассуждений обо всем и ни о чем. Череда историй с выводами, похожими на "кухонные" рассуждения после апогея вечерней попойки, где остались только самые стойкие. Содержит нецензурную брань.

© Т И., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Илья Т Счастливый человек

Окружающие говорят, что книга, если она написана, должна быть опубликована и нельзя писать в стол. Что отличает печатающегося писателя от человека, пишущего сугубо для себя? Мы живем в удивительное время: люди публикуют в массы все что угодно, это уже не просто поиск популярности или желание поделиться, такой формат реализации информации стал абсолютно органичной частью бытности современного человека. И все же, как мне кажется, ответом на поставленный вопрос является формат, именно формат написанного. С.Д. Довлатов называл себя рассказчиком, вероятно, боясь покушаться на высокое звание: «писатель». Мне рисуются менее возвышенные образы, если пишущий в состоянии максимально достоверно передать свои мысли читателю, скорее всего, его можно занести в когорту писательской братии, вопрос качества остается открытым, а судей хватает и без нас. От идеи донести максимально четко свое послание и появились такие понятия как «сюжет», «образ», всевозможные литературные приемы. Вообще, рассуждать о писательстве дело неблагодарное, да и не новое. Пишущему в стол проще: можно конструировать предложения как угодно, не оглядываясь на их доступность читателю, ибо автору будет все понятно и так. Это сродни детским загадкам, которые тяжелы для взрослых, но ответ сразу же открывается детям. Самый чарующий шарм кроется в простоте.

Я свято убежден, что счастливый человек не начнет писать книгу. Ему это попросту не требуется, как и варианты стимуляции хорошего настроения, будь то алкоголь, наркотики, беспорядочный секс. Любое художественное произведение – это протест, который у каждого свой. Могу ли я четко сформулировать свой протест? Однозначно нет. Однажды я поймал себя на мысли, что победить мир очень просто: достаточно не держать зла на тех, кто сделал тебе больно и концентрироваться на хороших воспоминаниях, связанных с этими людьми, их не надо прощать, достаточно просто не держать зла, иметь силы нести ответственность за правду, принимая её и давая в ответ. Не предавать. Всё. Безусловно, смотря глобально, неважно как вы живете и что делаете, мир никогда не узнает о такой победе, но главное, что об этом знаете вы.

Если честно, у меня нет ни малейшего представления, как будет выглядеть эта книга, чем она закончится, и решусь ли я поделиться всем тем, чем планировал изначально. В последнее время я все чаще сталкиваюсь с проблемой недостоверной передачи мысли, окружающие все реже правильно меня понимают и с каждым разом всё тяжелее себя убедить, что проблема не во мне. Пару месяцев назад одна девушка прямым текстом заявила, что со мной тяжело общаться, потому что я подстраиваю понятия и термины под себя. Заставило задуматься: почему так? Достаточно трудно признаться себе во внутренних переменах с годами, в 27 я пришел к выводу, что самые простые вещи – самые сложные, и тут встает вопрос, как донести подобное до окружающих? Сложно о простом или просто о сложном, весьма непросто уклониться от демагогии при таких формулировках. Например, я не пью на работе, совсем, ибо если поймают – уволят. Схема предельно проста. Тем не менее, сей факт моих коллег не останавливает, после чего кара руководства их все-таки настигает. Казалось бы, что может быть проще? Не пей, а то уволят. Я боюсь представить количество оправданий для нарушения этого правила, не удивлюсь, если витиеватость и накрученность этих схем в их головах похлеще любой докторской диссертации по какой-нибудь квантовой физике. Та же история с изменами: люди не имеют решимости разорвать отношения с нынешним партнером, но невероятно жаждут лечь в постель с другим/другой. И таких примеров сотни. Невольно задумываешься, кто же все-таки больший авантюрист: тот, кто совершил нарушение, предательство, и вышел сухим из воды, или тот, кто смог убедить себя поступить как надо. Кого проще обмануть, себя или другого человека?

Очень глупая фраза: «Себя не обманешь». Себя мы обманываем чуть ли не ежедневно, регулярно находя оправдания нелицеприятным поступкам.

Всегда думал, если решусь написать книгу, то начну это делать с неподдельным пафосом, в нуарной атмосфере под соответствующее настроение. Не раз рисовал в голове обстановку и события, при которых это произойдет: Ночь. Неполная луна периодически выглядывает из вереницы проплывающих облаков. Немного выпив чего-нибудь крепленого, я подхожу к большому деревянному столу, через стеклянную дверь, ведущей на лоджию, несколько минут смотрю в окно, погружившись в мысли об одиночестве и несправедливости, а также о своей исключительности в этой бушующей мирской суете. Уже стемнело, свет уличных фонарей заливают оранжевым цветом небольшой участок двора, где впрыток припаркованы соседские автомобили. Я захожу на лоджию, открываю окно и закуриваю, гоняя в голове сотни мыслей в секунду, периодически отвлекаясь на попадающих в поле зрения людей. Докурив, я возвращаюсь в комнату, сажусь в кресло, которое податливо откидывается и приветствует меня задорным скрипом. Еще несколько секунд выждав и последний раз отвлекшись на вид из окна, обращаю свой взор в монитор, клацая мышкой, создаю новый текстовый файл и начинаю жадно перебирать пальцами по клавиатуре. В реальности же я просто лег на кровать, скрючившись в неестественной позе, достал ноутбук с дивана, потому что слезать с кровати было чрезвычайно лень, и просто начал заполнять заранее созданный файл. Иной раз в голову предательски лезет мысль, что жизнь – это череда несбывшихся ожиданий.

Все-таки с чего-то надо начать. В книге же должен быть персонаж. Знакомьтесь – я, имя Илья, на момент окончания моих писательских потуг мне будет лет 28, надеюсь не больше, и самое главное – я устал. Нет-нет, это не декадентские вопли обиженного на жизнь парня, я устал с улыбкой на лице, может подобная формулировка не совсем ясна для человека неподготовленного, но зато она самая ёмкая. Судя по опыту прочитанных книг, читателя надо подготовить, адаптировать его под манеру письма, плавно ввести в сюжет и уже потом раскрывать все карты. Я долго думал, как же мне со всем этим справиться, как создать атмосферу непринужденной беседы тет-а-тет с оппонентом по ту сторону книги, монитора, экрана. В голове рисовались десятки вариантов завязки, придумывались сюжеты, литературные ходы, но все тщетно, вернее, не то. И тут меня осенило: к огромному сожалению, приходится признать, что я человек своего времени, хоть и сей факт меня неимоверно печалит. В 2020 году поток информации бушует подобно горной реке, стремящейся к водопаду, отовсюду. Буквально за несколько десятилетий качество информации перешло в количество и цениться стала именно лаконичная форма её подачи. Людям интереснее, а может и выгоднее, пролистать несколько заголовков, чем углубиться в какую-то обширную статью, над которой корпел тот или иной инфокурьер. Исходя из вышеописанного, плюс ко всему, учитывая общемировую цензуру, логичнее называть людей не журналистами или ньюсмейкерами, а именно инфокурьерами. Ах да, небольшая ремарка, любителей софистики у нас полно, поэтому оговорюсь сразу, естественно я не говорю обо всех, всегда есть исключения, но я затрагиваю тенденцию, а следовательно – большинство. Так вот, почему инфокурьеры? Все просто. Мы ворвались сколько-то лет назад в чарующий и удивительный мир капитализма. Формы сего устройства везде разные, но мне это мало интересно, почитайте антиутопии, там любят на подобные темы рассуждать. В мире капитализма все стремятся заработать любыми путями, а что самое важное – окружающая действительность позволяет это делать и даже одобряет. Журналистика же требует творческого подхода и деньги не должны стоять на первом месте, но, увы, тенденция не та. Не знаю, что-то где-то потерялось, и в погоне за угодой актуальным потребностям кто-то выкладывает информацию, которую сухо рерайтят и перекидывают по разным новостным площадкам. Точно не скажу, но, вероятно, потребители сформировали подобные расклады. Удивительное дело, народ всегда хотел чем-то управлять, и вот наконец-то удалось, получите – распишитесь. На этом фоне вспомнилась старая шутка: как говна украл, вроде украл, не спалился, удалось! А вроде – говно. Оговорюсь,

от журналистики я далек ровно так же, как и от проблем толерантности, гомофобии, шовинизма, т.е. далек чрезвычайно, но я так вижу, поэтому пресловутое слово: «инфокурьер» мне ближе и описывает ситуацию максимально достоверно. Я это всё к тому, что я такой же потребитель информации, как и остальные, следовательно, логично, что выдавать я буду, примерно, аналогичное потребляемому: много, скупое на подробности и по возможности доступно. Хотя, повторюсь, с последним, на протяжении некоторого времени, проблемы.

Знаете, иной раз чувствую себя школьником, который не выучил уроки и стоит у доски, судорожно выцепляя взглядом друзей-одноклассников и напрягая слух в ожидании уловить хоть какую-нибудь подсказку. Надежда в такие моменты иссякает быстро, ты переводишь виноватый взгляд в сторону учительницы, которая аналогичные перформансы лицезреет уже лет двадцать. Висит немая пауза, она тяжело вздыхает, надевает очки и по движению ручки в её пальцах ты предсказываешь про себя двойку в журнале. Несколько месяцев назад я начал записывать темы для книги, буквально по одному-два предложения и тогда мне казалось, что раскрывать их не составит проблем, да что там проблем, из меня хлынет водопад предложений, абзацев, страниц. А на выходе, я малейшего представления не имею как к этим темам подвести, не говоря уже о пресловутом раскрытии. И вот получается, что стою я у доски, вроде как, готовился, в надежде на подсказку поднимаю взгляд в поисках собеседника, который откликнется, даст мне веревочку, за которую можно зацепиться, выдернуть пробку и заполнить пустующие страницы в файле, а парты пусты, ни одноклассников, ни собеседника, да и вместо учительницы в очках тоже я, который смотрит на самого себя с обоснованным недовольством, и мысленно рисует двойку за сегодняшнюю попытку.

Наконец-то я набрался смелости стать каменщиком в рабочей дисциплине, то есть положил на совесть и продолжаю свои метафизические потуги уже в рабочее время. Даже как-то добавляет азарта, но опустим. Недавно я убедился, что у всего есть предел. Человек конечно такое существо, которое ко всему привыкает, но привыкнув, стагнируется по всем фронтам, я полгода ничего не делал кроме пьянства и поиска увеселительных мероприятий, а тут уже месяц как в кипящей рабочей среде, ну и соответственно, адаптировался. На пару дней меня настиг кризис идей, нет, вернее, идеи были и есть, но вопрос реализации стоял чрезвычайно остро. И тут я понял, что физический труд потихоньку начинает вытеснять мой интеллектуальный потенциал, помощь же пришла откуда не ждали, как оно всегда и бывает. Почти месяц я был без связи, и тут наконец-то оказался в Англии. Первым делом решил позвонить маман, узнать, как она, лет ей немало, а кроме меня никого нет. В ходе разговора со значимостью в голосе выдал, что наконец-то начал писать книгу, прочитал пару отрывков и поинтересовался её мнением. Чем хорошо узнавать мнение у маман, так это тем, что по её реакции сразу понятно, даже по голосу, действительно ли ей нравится или она просто пытается тебя подбодрить по причине того, что ты её единственный сын и она тебя любит. Услышав одобрительный отзыв, было предельно ясно, что он искренний и у меня неплохо выходит. Я никогда себе не признавался в периодической необходимости чужого одобрения, рисовался перед собой самобытным парнем, которому итак неплохо. По поводу одобрительного отзыва маман, знаете, я уже давно понял кое-что о женщинах. После сорока у них открывается два навыка, как у персонажа в компьютерной игре: считать себя экспертами во всех областях без исключения и делать комплименты или выказывать одобрение таким способом, который разит похлеще любого оскорбления. Начнем с последнего:

—Ух ты, сынок, мне очень нравится, не ожидала, что у тебя такие интересные и глубокие мысли и стиль изложения хороший.

Теперь представьте себя на моем месте: с самого детства я слыл неглупым парнем, хорошо учился, за что меня иногда били в начальной школе, интересовался всем, до чего мог дотянуться по мере возможностей, читать я полюбил лет в 16, но с малых лет родители пичкали меня Лондоном и Твенном (до сих пор их не жалею, авторов, не родителей). Так вот, с маман я

нередко любил поговорить о вечном, круг моего общения так вообще непритворно отпуская комплименты касательно моих выводов и рассуждений, а там люди неглупые, в чем я искренне убежден, тут же: «не ожидала конечно, но ты молодец». Что значит не ожидала? Вообще, с людьми, у которых со мной немалая разница в возрасте получается хорошо общаться лишь на коротких дистанциях, дальше почему-то не складывается, который год не могу поймать момент перелома. Касательно первого навыка женщин за сорок, так это вообще ад и погибель, начиная класса с седьмого маман регулярно мне заявляла, что я ничего не знаю. Мои контр-аргументы о том, что у меня хорошие оценки разбивались о надменное: «тебе их просто так ставят». Когда я поступил на юрфак ситуация перешла немного в другую плоскость, посещать универ у меня не было никакого желания, я работал и гульванил как мог, но сессии сдавал, потому что в перерывах все-таки брался за учебу. Сдавал экзамены я, естественно, на «удовлетворительно» и аргументация маман приняла форму: «ты ничего не знаешь, у тебя вон одни тройки». В общем, меня заманили в простейшую логическую ловушку, из которой выбраться не было никакой возможности. Тем не менее, в юридических вопросах она спрашивала у меня совета, после его получения, как правило, ответом являлось: «всё не так, тетя Валя вообще мне сказала...», к слову тетя Валя работала воспитателем в детском доме и по ряду оскорбительных комплиментов вообще уверенно держала первенство. Затем маман шла к юристу, который говорил ей тоже самое, что и я. В эту игру не выиграть. У меня в голове до сих пор живет убеждение, что всех женщин после сорока призывают в добровольно-принудительном порядке на курсы всезнания и колких комплиментов, где их невероятно быстро этому обучают и отправляют обратно в семью на практику. Собственно, вернемся к одобрению. После разговора меня нехило пробило на мыслительный процесс, я долго не мог уснуть, подскакивая через каждые десять минут с целью тезисно записать появившиеся идеи в отдельный файл, дабы не забыть их в будущем. Как, порой, мало надо человеку в плане мотивации, вы задумывались насколько тяжеловесное и емкое слово «мотивация»? Под него же всё что угодно подогнать можно, от войны до утреннего кофе или наоборот. Вот и мне до этого прецедента казалось, что подстегивать должно что-то грандиозное и забористое, прям событие, а не, достаточно нескольких лестных фраз от близкого человека, который частенько остужает твое самомнение. Похлеще любого «Джаст ду ит», скажу я вам. Короче, надо это всё дело реализовывать как можно скорее, а то забуду, уж я-то себя знаю.

Перед командировкой списывался с другом, который поведал:

– Сидел недавно в тиндере, попалась бывшая одноклассница из универа, поставили друг другу лайки и начали переписываться, вспоминали университетские истории и т.д., но всё почему-то скатилось к обсуждению членов, как так вышло – не понимаю.

– Девушки обсуждают члены только с теми, кому доверяют – выдал я.

– В граните высечь эти слова, Андреич, в граните!

Таким образом «золотой фонд цитат» пополнился еще одной фразой. Очень жаль, что мы с ним не догадались записывать хорошие фразы, многие забылись, а были прям хороши. Есть такие друзья, без которых уже и себя представить не можешь. Это как шрам, с которым связана интересная история и ты при каждом удобном случае её рассказываешь, а то и по несколько раз одному и тому же человеку. Я, кстати, страдаю этой паршивой привычкой, рассказывать одни и те же истории по сто раз людям, которые о них уже в курсе. Сначала мне напоминали об этом, а потом привыкли, да и я привык. Поводов заморачиваться итак полно, этот явно в перечень вписываться не должен. С другом этим неразрывно связаны последние 14 лет моей жизни и вспоминать о них я буду практически регулярно, так что терпите и помните: «Не повод заморачиваться». Дабы детальнее описать картину наших взаимоотношений, есть хороший пример: даже наши родители любят пошутить на тему того, что мы геи, а им, родителям, за 60 уже, и мы не геи, честно, я даже женат был, на девушке, у меня справка есть! Такие дела. Ах да, звать его Егор Шлыков. Естественно, это псевдоним, изначально я хотел назвать его Евстиг-

ней, но как-то не звучит. Просто с именем Евстигней был связан некий жизненный период. После лютых попок, когда очень хотелось есть, мы заказывали доставку еды по телефону, представляясь именем Евстигней, пили мы часто, соответственно и еду заказывали нередко, поэтому наши номера мобильных были записаны во всех конторах доставки, таким образом первым забавным случаем по утрам во время тяжелейшей алкогольной абстиненции был задорный голос девушки по ту сторону телефона, которая с выверенной интонацией произносила: «Здравствуйте, Евстигней, чего желаете?». Да и имя он свое все равно не жалует, нет, оно не какое-то дурацкое, простое русское имя, ну не нравится ему, что ж поделать, он все-таки друг, буду потакать по мере сил. Вообще, много персонажей вводить я не планирую, так что запомнить будет несложно. Пока не знаю для кого это удобнее – для вас или меня. Узнаем.

Так случилось, что мои прогулы в конце надоели преподавателям в универе, вернее, одному преподавателю, и он не хотел ставить привычный мне «тройк» принципиально. Предмет носил грозное название «криминология», но никаких конструктивных знаний в себе не нес, однако, когда это кого волновало? В общем, не сдав два раза к ряду этот предмет я основательно готовился к комиссионной пересдаче: набрал конспектов у однокурсников, открыл миллион вкладок в браузере и даже взял учебник в библиотеке по этой злосчастной дисциплине. Не сказать, что выучил идеально, но старался как мог. Если честно, я больше рассчитывал на факт именно комиссионной пересдачи, надеясь на то, что другой преподаватель сможет повлиять на пожилого доктора наук, который затаил на меня лютую злобу из-за моих непосещений его важнейшего для юридической науки предмета. А злобу, между прочим, он и правда затаил, ведь я и до этого готовился, менее тщательно конечно, но при сдаче, мне казалось, что я попал в фантазмагорию, другого слова просто не находилось, чтобы описать происходящий дурдом. Я не буду детально воспроизводить вопросы и ответы, но, чтобы вы могли представить ситуацию, опишу её максимально просто: прихожу, тяну билет, мне попадается простейший вопрос из серии «сколько будет два плюс два?», я радостно записываю очевидный ответ, сажусь напротив преподавателя и с полной уверенностью в своей правоте заявляю: «ЧЕТЫРЕ!», на что экзаменатор декларирует свое «нет!». Что можно сделать в подобной ситуации? Я вот тоже понятия не имею. Судорожно начал в голове перебирать: «два плюс два, это один плюс один плюс один плюс один, или два умножить на два, или два в квадрате, получается все равно, сука, четыре!», но все мои варианты решения, повторяюсь, простейшего вопроса оказались неверны по решению преподавателя. Ей богу, лучше не готовиться, чем точно знать ответ и получать отказ раз за разом. У меня сдали нервы, я принес конспекты, начал показывать их вершителю моей судьбы, чуть ли, не вдаваясь в крик: «тут же все, что вы диктовали, вот, я даже несколько конспектов взял, чтобы сверить! Один в один как у меня в ответе». Но человек с правом вето оставался непреклонен. Наступает день комиссионной сдачи, я в полной уверенности, что он не сможет провернуть свой трюк с неотложным «нет» в присутствии еще одного преподавателя, иду бороться за продолжение реализации своего права на образование. Зайдя в кабинет, я увидел двух мужчин, один – мой пресловутый мучитель, второго я не знал, он выглядел значительно младше, однако на лице его читалась экзистенциальная усталость. «Тем лучше» – подумал я, полагая, что ему не захочется меня сильно мучить дополнительными вопросами. Мне протянули ведомость для подписи и тут случился роковой момент, которого я ну никак не мог ожидать. В глаза бросился состав членов комиссии. Весь ужас на моем лице в тот момент был вызван тем, что фамилии их были одинаковыми. Повисла немая пауза, огоньком надежды в тот момент стала мысль, что может они просто однофамильцы, но, увы, буква отчества в инициалах младшего совпадала с первой буквой имени разрушителя надежд нерадивого студента, то есть – меня. Не буду описывать очередной кошмар сдачи, но шло все приблизительно по вышеописанной схеме, конфликтом отцов и детей в аудитории и не пахло. Короче, меня отчислили. Обиды добавлял тот факт, что я почти всё сдал и должен был переходить на последний курс, если бы не камень преткновения по имени «криминология».

Нетрудно догадаться, что хейты из-за отчисления посыпались на меня со всех сторон, начиная от маман и заканчивая моей девушкой, которая грозила меня бросить из-за того, что я забиваю на своё будущее. Меня это мало пугало, потому что сразу после неудачной пересдачи я твердо решил, что пора бы мне сходить в армию. Я точно знал, кого надо озадачить этим решением в первую очередь – отчима. Он всю жизнь отдал служению Родине, начиная с суворовского училища и занимал не последнюю должность по прошествии многих лет. Нет, я не искал блата, просто хотел его порадовать. Видите ли, все мое детство и юношество отчим пугал меня станцией «Оловянная», судя по рассказам, находившейся где-то в Забайкалье, под Читой. Он сам там служил, и рассказывал, что электричества там нет, вода привозная, а свет только от фар машин, характерной деталью этого чудесного быта являлись птицы, замерзающие на лету, о чем он неустанно напоминал, вероятно, пытаясь убедить меня в тяготах неизбежного будущего. Я подобных условий даже представить не мог, поэтому особо не пугался, а место под Читой у меня почему-то ассоциировалось с бурятами, у которых всегда при себе ножи. Не спрашивайте почему, я и сам не знаю. Так вот, морально настроившись на принятие удара злого рока в виде неизбежной воинской повинности, которая сулила отправление на защиту дальних краев нашей необъятной, я ринулся в гости к отчиму заявить о своей готовности. На удивление состоялся следующий диалог:

– Здравсьте, я тут решил в армию пойти

– Нахрена?

– Эм... Ну, меня ж отчислили, восстановиться могу только через год, вот пока время есть, отслужить бы надо.

– Ерундой не занимайся, я так все решу.

– Не, так не пойдёт. Надо нормально.

– А куда хочешь?

– Так вы ж говорили про Оловянное.

– Да брось ты.

– Тогда куда-нибудь, чтобы окончательно не отупеть за год и по возможности что-нибудь, связанное с юриспруденцией, дабы навык не терять.

– В следствие пойдёшь, пару недель в части побудешь, потом прикомандируют.

Я рос без отца, поэтому примеров отеческой любви в моей биографии нет, но мне рисуется что-то схожее с диалогом выше. Кстати, в части я провел два с половиной месяца, после чего все-таки был прикомандирован в военно-следственный отдел. К сожалению, или к счастью, рассказывать армейские истории у меня нет никакого желания. Нет, вы не подумайте, все было нормально и местами очень даже весело. Просто иногда тошно наблюдать людей, у которых поход в армию – важнейшее событие в жизни, и они неустанно норовят рассказать очередную историю о своих лихих армейских деньках. Я уж лучше «Ивана Чонкина» почитаю, там хоть интересно. Так или иначе, я не жалею, что ходил туда, хоть и полноценно отслужившим меня можно назвать с большой натяжкой. Вместо махания лопатой, свой срок службы я преимущественно работал головой. Хотя и махания были, и стрельбы, в общем, за два с половиной месяца в части я кое-что увидел из настоящей армии, да и в отделе бывало непросто, но оттрубившими полноценный год именно в части, я был клеймен обидным словом: «канцеляр». А универ я, кстати, закончил, восстановился после армии и даже защитил диплом на «отлично». Это было единственное «отлично» в моем дипломе, зато какое! До сих пор козырю перед маман, хоть и нынешняя моя профессия далека от юриспруденции.

После прикомандирования к военно-следственному отделу, я заимел удивительную возможность уходить после обеда в субботу домой и возвращаться только в понедельник утром. Омрачало сию радость лишь то, что дома был глобальный ремонт и делать там совершенно нечего, кроме сна на леопардовом диване. Однако вселенский баланс был на моей стороне и не давал пасть духом. Шлыков незадолго до моего отбытия из части съехал от родителей в квар-

тиру, которую они сдавали до этого, и естественно на выходные я заваливался к нему, потому что там две комнаты, компьютер, интернет, большой телевизор и несколько игровых приставок. Парень я домашний, поэтому такой досуг мне был, как говорится: «в жилу». К сожалению, дома, все эти тридцать три удовольствия были недоступны по вышеописанной причине. Добавлял радости и тот факт, что Егор по выходным подрабатывал, уходил с восьми утра и часов до пятнадцати. Это были семь часов моей личной свободы и форменной деградации, которая была необходима для максимальной релаксации после непростой служебной недели. В эти часы мой досуг был предельно прост: я валялся на диване в трусах, пил пиво и смотрел сериал «Солдаты». Идеальное воскресенье, скажу я вам. В один из таких чудесных дней, около двенадцати по полудню послышался отчетливый звук вставляющегося в дверь ключа и, спустя несколько секунд, открывающейся входной двери. Я было подумал, что это Шлыков пораньше вернулся, ан нет, это была его мама, которая принесла какие-то вещи и кое-что из посуды. Маму Шлыкова я конечно знал, но ситуация всё равно неловкая. Одеться я, естественно не успел, пол был уже обильно усыпан пустыми пивными бутылками, в общем, не комильфо. Мама Егора смотрела на меня каким-то обреченным взглядом, ну, её тоже можно понять, с личной жизнью у сына не очень, он наконец-то съехал и стал зарабатывать, а вместо приятного вида барышни на диване у него в квартире лежит его лучший друг в трусах и видок у друга, мягко говоря, непрезентабельный.

– Привет, Илюш. На вот, передашь Егору.

– Здравствуйте, И.Ю., передам конечно.

Мама Егора обвела взглядом всю видимую ей часть жилплощади, после чего вздохнула и с какой-то досадой промолвила:

– Ну, сейчас ремонтик сделаем, и живите...

Ситуация стала комична до безобразия, я было хотел ей рассказать всю историю, что я здесь делаю и как оказался, но понял, что лучше не надо, потому что на моё повествование она выдала бы что-нибудь типа:

– Илюш, не надо ничего объяснять, материнское сердце... его не обманешь.

Ну или что-то в этом духе. Короче, я просто молчал, а она спешно ретировалась из квартиры. Естественно, по приходу друга я ему все рассказал, мы поржали и продолжили пьянствовать под мелодии камбоджийского рока. Я к чему вспомнил эту историю, мужчинам очень трудно порой объяснить ситуацию или посвятить кого-то в причины своей неудачи, особенно если слушателем является женщина. С детства маман мне говорила: «Не оправдывайся, мужчина не должен оправдываться», позже, несколько моих пассий тоже любили повторять эту фразу, чем изрядно меня подбешивали. Кто-нибудь определял границу между объективными причинами и оправданием? Расскажите пожалуйста, потому что ваш оппонент видит оправдания при любых раскладах. Кстати, начальники на работе, реагируют на мои косяки один в один. Прямо как женщины. Исходя из этого уравнения, женщина равно начальник. А вы: слабый пол, слабый пол. Правда, и отношение с таким подходом формируют соответствующее, а мы все знаем, как наш народ относится к своему руководству. Я вообще человек спокойный, но подобные выходы, а именно абсолютное нежелание вникнуть в проблему, которая помешала мне что-то сделать, заставляет взрываться изнутри. Представляется картина семейной пары, прожившей двадцать лет в браке и в своей манере ненавидящей друг друга. И вот просит жена мужа хлеба купить, а его похитили инопланетяне по дороге в магазин, вернув спустя несколько месяцев. Он возвращается домой, переполненный радостью жизни, ибо смог вернуться, даже цветов жене купил, заходит, а она стоит в халате и бигуди, смотрит на него, хмурия брови, и спрашивает:

– Ты хлеба купил?

– Дорогая, меня инопланетяне похитили!

– Вечно у тебя оправдания, мог бы шапочку из фольги надеть.

– Но...

– Ни о чем тебя попросить нельзя. Говорила мне мама!

Крик. Запой. Занавес.

Конечно, я нарисовал образ мужчины-тряпки, который волочит свое существование, принимая все тяготы и лишения мужской доли. Каким вообще должен быть современный настоящий мужчина? Изменился ли образ этого мифического существа за последние пару десятков лет? Изменился однозначно, а каким он должен быть не имею ни малейшего представления. Я сторонник версии, что мы живем в век женской эмансипации, женщины работают на тех местах, где лет четыреста назад их было трудно представить, содержат семьи, а в Германии нередки случаи насилия над мужчинами со стороны их вторых половин. Тем не менее, в сети все чаще вопят о каких-то ущемлениях, харасменте, неуважении и прочих ужасах по отношению к прекрасному полу. Прецеденты бывают всегда и абсолютно разные, но неутомные дамы все чаще пытаются замахнуться на тенденцию. Как мне кажется, получив век женской эмансипации, ответным явлением стал регресс мужественности у, так сказать, сильного пола. В погоне за свободой мы потеряли важные ориентиры. Взять классическую литературу нашей страны, у разных писателей прослеживались похожие образы женщин, при этом они были индивидуальны и самобытны, но общность их жизненных ориентиров прослеживалась, были как бы негласно обозначены запреты и вольности, читатель мог различить черное и белое в мыслях и поступках любой героини, а их решимость, жертвенность и умение любить вызывали уважение и даже некоторый трепет. Мужчины же были сильны, прямы, умны, ну или старались подходить под эти критерии. А сейчас мы не хотим ни на кого походить, мы хотим свободы, индивидуальности, самореализации и много других страшных слов, создающих только иллюзию желаемого. Истинной целью стали деньги. Это уже даже не средство для комфортного существования, желание иметь больше денег стало движущей силой любого сознательного или бессознательного поступка. Причем идея это общемировая, не могу вспомнить исторического периода, когда бы идея получения как можно большего количества денег любыми путями была так культивирована во всем мире, среди людей всех возрастов, религий, сословий. Безусловно, я не настолько наивен, чтобы не понимать необходимость денежных средств в современных реалиях, но хотя бы стараюсь держать в голове тот факт, что это, в первую очередь – средство, их заработок, получение – это часть жизни, а не вся без остатка. Больше всего меня пугает, что идея получения денег вытесняет все остальное в нас, люди все чаще становятся карикатурными и безжизненными. Меня всегда восхищали, так сказать, простые люди, рабочий класс в книгах С.Д. Довлатова, это частенько пьющие люди, иногда хамоватые, но реально думающие и переживающие искренне о мире и событиях вокруг, какой-нибудь строитель мог на раз поддержать беседу о разностях философии Канта и Гегеля, причем со знанием дела и верой в необходимость думать об этом. Подобный контраст не может оставлять равнодушным. У поколения постарше всегда найдется интересная история о каком-нибудь бомже, который оказался образованным и интеллигентнейшим человеком. А сейчас все просто и четко: рабочий класс соответствует своими интересами и рассуждениями названию, а бомжи – обычные безынтересные люмпены. Поверьте, я говорю со знанием дела. На данном этапе своей жизни я и сам являюсь рабочим классом, мне нравится работать руками, нравится не только витать в облаках метафизики, но и элементарно уметь забить гвоздь или починить какой-нибудь механизм. Не поймите неправильно, мне нравится мой коллектив, я принимаю их правила игры и вместе с ними обсуждаю насущные бытовые проблемы, идиотов-руководителей и политику в стране, подкрепляя всё это тоннами обсценной лексики. Мы даже молоток гвоздоёбом называем, что уж. Однако при этом меня мучает неопределенность положения: с одной стороны, я полностью удовлетворен тем фактом, что зарабатываю на жизнь честным физическим трудом, вроде как, свой в суровом мужском коллективе, уж лучше так, чем быть холемым рафинированным эрудитом (об этом определении я напишу чуть позже), с другой – культурная пропасть

между нами, которая то выталкивает меня из окружающей ментальной среды, то заставляет ассимилироваться глубже, чем мне хотелось бы, очень пугает. Простейшим примером служит диалог типа этого:

– Илюх, а ты чего сидишь?

– Живу по заветам Черчилля: никогда не стой, если есть возможность присесть, и никогда не сиди, если есть возможность прилечь.

– А что, у тебя своих мыслей нет? Зачем тебе Черчилль?

Достаточно карикатурная зарисовка вышла, первое что вспомнил пока писал, не самый наглядный пример конечно, но, надеюсь, суть я передал. Вероятно, именно поэтому я начал писать книгу сейчас, это небольшой спасительный островок в океане непонимания среди окружающих. Причем, я уверен, в подсознании они догадываются: что-то не так. Видно, иногда, оставаясь один на один со мной, им интересны мои выводы, порой даже любопытствуют, какую книгу я читаю в данный момент и о чем она. Я начинаю упоенно рассказывать, мой собеседник делает заинтересованный вид, но вскоре ему надоедает, и мы переводим тему, дабы не устраивать театр абсурда. Все равно, описанные люди заслуживают уважения, они смогли выйти из зоны комфорта, им непросто, девяносто процентов ненавидят свою работу, но у них есть свой мотиватор, который не дает сломаться. Как правило, это семья: жена и дети. Учитывая современный культ комфорта – поступок значимый для человека. Если это кто-то когда-то прочитает, то я предвкушаю тень сомнения, скрывающуюся под мыслью: «Почему не сменить работу? Можно же заниматься любимым делом и зарабатывать», или же что-то подобное. Лет пять назад я тоже мыслил непреклонными категориями и гневно критиковал людей, жалующихся на вышеописанные расклады в судьбе. За свою непродолжительную жизнь мне удалось сменить около десяти профессий. Этот опыт позволил мне понять одну важную вещь: у нас в стране невозможно долго заниматься любимым делом с удовольствием. Под страной я подразумеваю людей, не государство. Мы народ крайностей, который пытается метить в золотую середину, но всегда промахивается. Как бы вы ни любили свое дело, вам создадут такие условия и нагрузку, что вся легкость и желание пропадет через некоторое время, промежуток разный, но финал один. Например, большинство людей любят секс. А условный Вы, его просто обожаете. Вот начинается процесс соития, все хорошо, но тут Вам привязывают парочку гантелей, становится менее комфортно, но терпимо и вы продолжаете наслаждаться процессом. Затем вам надевают очки и, скажем, зимнюю шапку, вы вопрошающе смотрите на человека, который над вами как будто издевается, а он убеждает, что так надо. Процесс продолжается. Спустя некоторое время отовсюду Вы начинаете слышать советы, как это надо делать и где Вы ошибаетесь, причем и Вам, и вашему партнеру/партнерше хорошо, ведь это основная цель соития – получение удовольствия, но окружающих это ничуть не волнует, и они продолжают комментирование. Вы понимаете, что весь процесс превращается в фарс, собираетесь закончить, ан нет. Вам насильно скармливают какой-нибудь возбудитель и заставляют продолжать. Механически процесс не изменился, но к любимому занятию в таких условиях появляются зачатки ненависти. Поэтому, после ряда подобных событий я отложил категоричность мышления в сторону и пользуюсь им только в вопросах морали и нравственности. Например, мне противно от того, что даже в самых суровых мужских коллективах, взрослые люди позволяют себе жаловаться одному на другого, потом идти к объекту критики и жаловаться на первого. Это же детский сад. За непродолжительный период я выяснил, что в нашем небольшом коллективе все друг другом недовольны и без тени сомнения убежден, что обо мне тоже говорят плохо. Я не хочу принимать никаких аргументаций подобного поведения. Эти люди воспитывают своих детей и потом объясняют им, что такое хорошо и что такое плохо. Бедная кроха.

Потеряв ориентиры, мы стали изворачиваться с помощью субъективизма. Мол, я имею право на свое мнение, мне так видится. Это, конечно, не везде работает. Знаете, почему IT сфера так успешно развивается? Потому что всем абсолютно индифферентно, как вы видите

ситуацию, код либо работает, либо нет, и проверить это можно моментально и без потерь. Зато в социальной сфере, реализация подразумевает долгую перспективу, можно лепить что угодно. Каждый раз боюсь свернуть в политику, поэтому периодически себя одергиваю. Но самый большой разгул субъективизма всегда была в искусстве. Теперь, в эпоху плюрализма мнений, каждый суслик – агроном. На любой шедевр или же бездарное творение можно сказать: «Мне нравится, не нравится, это моё мнение», а еще непобедимое: «ты не понимаешь». Жизнь приучила меня любить аргументы, неважно какой сферы это касается. Мнение должно быть хоть чем-нибудь подкреплено, кроме внутренних хотелок. Я человек с убитым чувством прекрасного, в живописи не понимаю ни на грамм. Даже «Мона Лиза» в Лувре заставила меня только прищуриться, обозначить в голове, что я её видел и развернуться в сторону выхода. И тем не менее, я полностью осознаю, что, скажем, Айвазовский божественно рисует. Может нравиться или нет морская тематика, но факт того, что нарисовано великолепно – стопроцентный. Да и «Мона Лиза» нарисована здорово, просто меня не восхищает. Однажды мы обсуждали с одной особой фильм:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.